

Опыт проведения экспертиз пацифистских убеждений объединенным советом религиозных общин и групп в советском государстве

Стволыгин К.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии и конфликтологии Филаиала Российского государственного университета в г. Минске (konstvol@mail.ru)

Целью данной статьи является отражение результатов исследования отечественного опыта проведения экспертиз пацифистских убеждений призывников общественной организацией – Объединенным советом религиозных общин и групп в Советском государстве в 1918–1920 гг. Анализируются такие составляющие этого опыта, как сам механизм проведения экспертиз, используемые при этом методы и критерии, их приоритетность, а также обстоятельства, негативно влиявшие на объективность экспертной деятельности Объединенного совета. В числе этих обстоятельств особо выделена нерешенность проблемы критериев, позволяющих доказательно судить об истинности пацифистских религиозных убеждений, ограниченность применяемых при проведении экспертиз методов (опрос, беседа, анализ документов). Следствием нерешенности данной проблемы стала возможная необъективность экспертов – членов Объединенного совета, а также конфликт с наркоматом юстиции, приведший к прекращению экспертной деятельности Объединенного совета религиозных общин и групп.

Ключевые слова: объединенный совет религиозных общин и групп, экспертиза пацифистских религиозных убеждений, методы, критерии, объективность, альтернативная служба.

В № 3 журнала «Психология и право» за 2012 г. была размещена статья «Теоретические подходы к проблеме психологической экспертизы пацифистских убеждений призывников». В статье исследуется проблема доказательности суждений о наличии или отсутствии у призывников пацифистских убеждений. Наряду с демонстрацией актуальности и сложности данной проблемы в статье также делается вывод о необходимости всестороннего изучения отечественного опыта проведения экспертиз пацифистских убеждений призывников (Стволыгин К.В., 2012). Важнейшей составляющей этого опыта выступает экспертная деятельность Объединенного совета религиозных общин и групп (ОСРГ), осуществляемая в 1918–1920 гг. в рамках функционирования института альтернативной службы в Советском государстве.

ОСРОГ был организован осенью 1918 г. Изначально его основной целью было содействие советской власти в освобождении от воинской повинности граждан, по совести неприемлющих участия в военном деле. ОСРОГ состоял из представителей Московской группы меннонитов, Московской общины евангельских христиан-баптистов, Московской общины евангельских христиан, Общества истинной свободы в память Л.Н. Толстого, трудовой общины-коммуны «Трезвая жизнь», Общины христиан адвентистов 7-го дня. Председатель Совета — В.Г. Чертков, члены — Н. Гусев, И. Колосков, И. Львов, П. Павлов, К. Платонова, А. Серниенко, М. Тимошенко, Г. Фрезе, В. Чириков, К. Шахор-Троцкий. Секретарь — В. Теппоне (ГАРФ).

Сразу же после своего создания ОСРОГ активно включился в работу по совершенствованию действующего на тот момент порядка освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям, утвержденного постановлением Революционного военного совета РСФСР и объявленного приказом №130 от 22 октября 1918 г. В начале ноября 1918 г. ОСРОГ обратился в Совет Народных Комиссаров (Совнарком) с заявлением, в котором предлагал взять на себя функции учреждения, призванного определять искренность религиозных убеждений граждан, отказывающихся от военной службы, поскольку ОСРОГ является выразителем мнения большинства внецерковных религиозных течений, отвергающих военную службу, и именно ему могут быть доподлинно известны все необходимые данные для проверки искренности религиозных убеждений того или иного лица, отказывающегося от военной службы (ГАРФ).

4 января 1919 г. на заседании Совнаркома был принят декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Согласно принятого Совнаркомом декрета, право на прохождение альтернативной службы или на полное освобождение как от военной, так и от альтернативной службы, предоставлялось только по религиозным убеждениям. Срок альтернативной службы устанавливался равным сроку военной службы. Местом прохождения альтернативной службы декрет определял «преимущественно заразные госпитали». Право принятия окончательного решения об освобождении от воинской повинности закреплялось за народным судом. При принятии решения суд должен был опираться на результаты экспертизы религиозных убеждений, проведенной ОСРОГ. После вступления декрета СНК в силу началась полноценная экспертная деятельность ОСРОГ.

Механизм проведения ОСРОГ экспертиз искренности религиозных убеждений граждан функционировал следующим образом. Поступившие в адрес ОСРОГ запросы от народных судов, а также заявления непосредственно от граждан об их отказах проходить военную службу по религиозным убеждениям рассматривались на заседаниях ОСРОГ. Рассмотрение соответствующих запросов и заявлений проходило как при личном участии граждан, отказывающихся от военной службы, так и без их участия. Это зависело, прежде всего, от желания и возможности самого «отказника» присутствовать на заседании ОСРОГ, где рассматривался его вопрос. Члены ОСРОГ чаще всего не настаивали на личном участии в работе Совета того или иного отказывающегося. Однако в ряде случаев такое участие признавалось обязательным. «Отказников» вызывали в ОСРОГ, если имеющихся у членов Совета сведений не хватало для принятия решения. Как правило, на заседания ОСРОГ приглашались и «отказники», нуждающиеся в полном освобождении от воинской повинности без замены ее альтернативной службой. Рассматривая очную и заочную

практику проведения экспертиз ОСРОГ, следует учитывать обстановку в стране в то время. Надо полагать, что преобладание заочного рассмотрения дел «отказников» было связано с работой транспорта в стране, не позволяющей «отказникам» добраться до Москвы, где размещался ОСРОГ. В ряде случаев, когда членам ОСРОГ не хватало имеющихся сведений для проведения экспертизы, а сам «отказник» отсутствовал на заседании, Советом принималось решение запросить с мест недостающие данные. Такие запросы направлялись в большинстве случаев в религиозные общины, членами которых являлись граждане, отказывающиеся от военной службы.

26 декабря 1919 г. ОСРОГ на своем заседании принял решение выдавать удостоверения об искренности религиозных убеждений гражданам только после обсуждения на заседании Совета убеждений каждого гражданина в отдельности. Члены ОСРОГ получили возможность выдавать подобные удостоверения единолично лишь при условии исключительной важности и срочности дела. Принятие такого решения было вызвано заявлением члена ОСРОГ К.С. Шохор-Троцкого, который выразил недоверие другому члену Совета П.В. Павлову. П.В. Павлов выдавал удостоверения об искренности религиозных убеждений граждан без предварительного доклада на заседаниях ОСРОГ (НИОР РГБ).

При проведении экспертиз ОСРОГ опирался, главным образом, на персональное знание его членами личности отказывающегося, его убеждений, образа жизни, а также на результаты индивидуальных собеседований с «отказниками», проводимых членами Совета и его уполномоченными. Определенную информацию представители ОСРОГ получали и из опросного листа, который заполняли лица, добывающиеся освобождения от военной службы по религиозным убеждениям. Кроме вопросов о личных данных «отказника», в опросный лист был включен ряд вопросов, ответы на которые должны были способствовать выявлению характера его убеждений. По смыслу эти вопросы можно разделить на два блока. Первый блок содержал вопросы о вероисповедании «отказника»: его принадлежность к какой-либо религиозной общине или группе; с какого времени он считал себя верующим. Если «отказник» не принадлежал ни к какой религиозной общине или группе, т. е. придерживался свободного вероисповедания, он должен был указать это в опросном листе и ответить на вопрос, кто мог бы подтвердить его убеждения. Второй блок включал вопросы о непосредственном отношении «отказника» к военной службе: состоял ли на военной службе, если состоял, то с какого времени и какую службу нес; с какого времени считает военную службу не совместимой со своими религиозными убеждениями; на какую замену военной службы согласен (санитарная или какая-либо другая общепользная работа); подано ли заявление в народный суд об отказе от военной службы (точно указать, когда и в какой именно). Сведения, отраженные в опросных листах, по возможности должны были заверяться религиозной общиной или группой. Информация, содержащаяся в опросных листах, для членов ОСРОГ не имела решающего значения. В своих воспоминаниях председатель ОСРОГ В.Г. Чертков подчеркивал, что официальные документы и данные, к которым можно отнести и опросные листы, играли для членов Совета второстепенную роль. Вопрос об искренности религиозных убеждений граждан выяснялся, главным образом, на основании личного ознакомления «с внутренним душевным миром отказывающихся» (Стволыгин, К.В., 1997).

К лету 1919 г. проблемы приглашения граждан, отказывающихся от военной службы по религиозным убеждениям, на заседания ОСРОГ, увеличение числа «отказников» поставили перед Советом вопрос о необходимости иметь своих представителей в местах размещения наиболее многочисленных сектантских общин и групп. 8 сентября 1919 г. решением ОСРОГ утверждены особые уполномоченные Совета и коллегии из них для оперативного решения вопросов, связанных с освобождением от воинской повинности по религиозным убеждениям на местах. Согласно постановлению ОСРОГ в Петроград и Петроградскую губернию были направлены 4 уполномоченных, в Новгород и Новгородскую губернию — 2 уполномоченных, по одному человеку — в Воронеж, Саратов, Симбирск, Казань, Пензу, Ижевск, Оренбург (НИОР РГБ). ОСРОГ снабдил своих представителей мандатами, дающими право проводить экспертизы религиозных убеждений граждан и предоставлять заключения по результатам этих экспертиз в судебные и другие учреждения. Кроме того, представителям Совета на местах предписывалось всячески защищать граждан, религиозные убеждения которых подвергаются стеснениям (Стволыгин, К.В., 1997).

Практика освобождения религиозных сектантов от военной службы в годы Гражданской войны привела к конфликту между наркоматом юстиции (Наркомюстом) и ОСРОГ. Именно от этих двух организаций в первую очередь зависело выполнение декрета Совнаркома от 4 января 1919 г. Конфликтующая Наркомюст и ОСРОГ обвиняли друг друга в нарушениях декрета «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям и апеллировали к высшим государственным органам. Так, к лету 1919 г. в Наркомюсте пришли к выводу, что дезертиры, а их только в период с 11 по 17 мая 1919 г. было задержано 23 725 человек (РГАСПИ), используют декрет Совнаркома от 4 января 1919 г. в своих корыстных целях. Первопричину такого положения дел в Наркомюсте усматривали в деятельности ОСРОГ. По мнению наркомата, ОСРОГ, получив как бы санкционированную государством монополию на проведение экспертиз по всем делам, связанным с отказом от военной службы по религиозным убеждениям, снабжал всех желающих (в том числе и дезертиров) удостоверениями об искренности религиозных убеждений, отрицающих участие в военном деле. В итоге 14 декабря 1920 г. Совнаркомом было принято постановление (декрет) об изменениях и дополнениях декрета «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», в котором ОСРОГ не упоминался вообще. Для проведения экспертиз предписывалось приглашать сведущих и внушающих доверие представителей соответствующих религиозных вероучений и других лиц, обладающих соответствующими знаниями и опытом. Следствием данного постановления стало фактическое прекращение экспертной деятельности ОСРОГ.

Исходя из актуальности исследования отечественного опыта проведения экспертиз пацифистских убеждений призывников, значимым представляется анализ обстоятельств, которые негативно влияли на объективность экспертной деятельности ОСРОГ.

По имеющимся у автора данным из архивных источников, общее число экспертов было незначительным: 12 человек – члены ОСРОГ, 13 человек – уполномоченные ОСРОГ в местах размещения наиболее многочисленных сектантских общин и групп, итого 25 человек. Анализ сохранившихся протоколов ОСРОГ показал, что только за период с 10 февраля по 26 декабря 1919 г. было

рассмотрено в общей сложности 1330 запросов и заявлений (Стволыгин К.В., 2012). Таким образом, если брать за основу эти данные, то за десять месяцев на каждого эксперта в среднем приходилось более 50 запросов и заявлений о проведении экспертиз, или в среднем по 5 запросов и заявлений на одного эксперта в месяц. При этом следует учесть следующие факты. Члены ОСРОГ в исключительных случаях могли единолично выдавать удостоверения об искренности религиозных убеждений, не совместимых с несением военной службы. Это означает, что общее число проведенных экспертиз могло быть больше (причем значительно больше), чем 1330. Так, согласно данным советского исследователя религиозного сектантства А.И. Клибанова, в годы Гражданской войны экспертизе ОСРОГ подвергались примерно 40 тысяч граждан, отказывающихся служить в Красной Армии по религиозным убеждениям (Клибанов А.И., 1969). Кроме того, некоторые члены ОСРОГ отказывались рассматривать религиозные убеждения незнакомых им лично людей, а некоторые не считали возможным для себя вообще участвовать в проведении экспертиз (НИОР РГБ). С учетом числа «отказников», географии отказов (губернии, куда направлялись уполномоченные Совета) и условий Гражданской войны можно предположить, насколько реальной была задача сбора всей необходимой для полноценного экспертного заключения информации. Причем промедление с проведением экспертиз зачастую вело к трагическим последствиям. «Отказников» нередко приравнивали к дезертирами, дела их рассматривали реввоен трибуналы, и если у «отказников» на руках не было документов, подтверждающих наличие у них убеждений, не совместимых с несением воинской службы, шансов остаться в живых у «отказников» было немного. При вынесении приговоров члены реввоен трибуналов должны были руководствоваться «исключительно обстоятельствами дела и своей революционной совестью» (Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия, 1987). Членами реввоен трибуналов были в большинстве своем коммунисты или сочувствующие, которые видели в верующих в Бога своих идейных противников, да еще и отказывающихся защищать свое отечество. Поэтому, вероятнее всего, «революционная совесть» в значительной степени способствовала вынесению самых суровых приговоров «отказникам». В силу всего этого от расстрелов «отказников» не всегда спасали и имеющиеся у них оправдательные документы. Так, в августе 1920 г. реввоен трибунал 40-й дивизии осудил около 100 сектантов за отказ от военной службы. 34 человека были приговорены к расстрелу и расстреляны. Все они до этого подавали заявления об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям в народный суд и имели на руках соответствующие справки (ГАРФ). В этой связи особо подчеркнем, что приговоры реввоен трибуналов к высшей мере наказания вступали в силу через 48 часов после их вынесения, являлись окончательными и обжалованию не подлежали.

Перечисленные выше обстоятельства, по мнению автора, объясняют подбор методов, используемых членами ОСРОГ при проведении экспертиз пацифистских убеждений и их приоритетность. Исходя из имеющихся фактов, можно с большой долей вероятности предположить, что личное ознакомление «с внутренним душевным миром отказывающихся», которому отдавали приоритет члены ОСРОГ, в большинстве случаев реально проводилось только одним экспертом. Следовательно, его мнение было если не окончательным, то решающим даже при вынесении Советом коллективного вердикта об убеждениях заявителя. Тем самым усиливалась вероятность субъективизма в экспертной деятельности ОСРОГ.

На объективность экспертиз, проводимых ОСРОГ, влияли и критерии, используемые при выявлении подлинности убеждений. В рассматриваемый период основанием, дающим право на освобождение от военной службы по убеждениям, были только пацифистские религиозные убеждения. Философские, этические, политические и другие убеждения, противоречащие прохождению военной службы, в декрете Совнаркома не упоминались, следовательно, основанием для освобождения от военной службы являться не могли. Такой подход сохранялся до упразднения советского института альтернативной службы в 1939 г. Содержание вопросов, включенных в опросный лист, позволяет судить о том, какие именно факты могли выполнять роль критериев для членов ОСРОГ при вынесении решения о наличии или отсутствии у граждан религиозных убеждений, противоречащих прохождению воинской службы. Все эти критерии носили внешний характер и далеко не всегда зеркально отражали истинность пацифистских убеждений «отказника» на момент проведения экспертизы (Стволыгин К.В., 2012). Не случайно члены ОСРОГ отводили этим критериям второстепенную роль. При этом выводы, которые делали члены Совета при личном ознакомлении «с внутренним душевным миром отказывающихся», скорее всего, основывались не столько на конкретных фактах, сколько на интуиции членов ОСРОГ. Подобный подход создавал благодатную почву для субъективизма (преднамеренного или непреднамеренного) со стороны членов Совета, поскольку индивидуальная структура интуитивного акта делает его особо чувствительным к таким личностным феноменам, как интеллектуальные установки, эмоциональный настрой, способность к непредвзятым решениям и т. д. Эффективность ознакомления членами ОСРОГ «с внутренним душевным миром отказывающихся» ставилась под сомнение и частью религиозного сектантства. Аргументировалось это тем, что никому не дано знать происходящее в душе человека, насколько он искренен, и вообще — «нельзя лезть в человеческую душу». В силу этого некоторые сектанты протестовали против проведения ОСРОГ экспертиз религиозных убеждений (Стволыгин К.В., 1997).

Перечисленные выше обстоятельства обуславливали возможную необъективность экспертной деятельности ОСРОГ, в которой Наркомюст обвинял Совет. Отчасти подтверждением этой необъективности могут служить результаты исследования сохранившихся протоколов ОСРОГ. Как уже отмечалось, за период с 10 февраля по 26 декабря 1919 г. было рассмотрено в общей сложности 1330 запросов и заявлений. Причем лишь в 4 случаях (0,3 % от всех рассмотренных случаев) религиозные убеждения граждан были признаны Советом как не противоречащие прохождению военной службы (Стволыгин, К.В., 1997). При этом важно отметить, что возможная необъективность экспертиз ОСРОГ обуславливалась никак не контрреволюционностью Совета, а сложившейся ситуацией, используемыми методами сбора необходимой информации и отсутствием объективных критериев оценки пацифистских убеждений «отказников». Подтверждением этого служат и следующие факты. Деятельность ОСРОГ не находила поддержки и одобрения среди части религиозного сектантства. Относящиеся к ней сектанты считали, что применение декрета Совнаркома об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям, участие в его реализации ОСРОГ принижает религиозные идеалы, ослабляет волю верующих, вредит чистоте рядов сектантства. В то время как гонения на отказывающихся от воинской повинности по религиозным убеждениям лишь укрепляют их дух, позволяют избавиться движению от случайных людей. В письмах, приходящих в адрес ОСРОГ, говорилось, что декрет СНК от 4

января 1919 г. нарушает нормальное течение религиозной жизни. Он, давая человеку право отказываться от военной службы по религиозным убеждениям, привлекает к сектантству много лиц, совершенно чуждых христианской жизни (Стволыгин, К.В., 1997). Естественно предположить, что ОСРОГ не мог оставить без внимания призывы этой части религиозного сектантства и сознательно пойти по пути фиктивного увеличения числа граждан, нуждающихся в освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям. Это привело бы к потере авторитета ОСРОГ у религиозного сектантства.

Исследование опыта проведения экспертиз пацифистских убеждений призывников Объединенным советом религиозных общин и групп позволяет сделать ряд выводов.

1. Отношение к проведению экспертиз религиозных убеждений граждан в 1918–1920 гг. было неоднозначным. Часть религиозных сектантов, в том числе и членов ОСРОГ, считали, что подобные экспертизы не могут быть объективными, поскольку установить подлинность пацифистских убеждений невозможно в принципе. Ряд представителей органов государственной власти связывали необъективность проводимых экспертиз исключительно с негативным отношением экспертов – членов ОСРОГ к Советской власти.

2. При проведении экспертиз религиозных убеждений члены ОСРОГ использовали главным образом методы опроса, беседы, анализа документов. Однако при этом проблема выделения объективных критериев подлинности пацифистских убеждений не была решена. Возможная необъективность экспертов – членов ОСРОГ являлась следствием нерешенности данной проблемы.

3. В настоящее время, также как и в исследуемый период, сама возможность доказательно судить о наличии у призывников убеждений, дающих право на освобождение от военной службы, является актуальной проблемой становления института альтернативной гражданской службы, в силу чего требует дальнейшей научной проработки.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд А353. Оп. 2. Д. 696. Л. 202.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд. А353. Оп. 3. Д.761. Л. 229—231.
3. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. — М.: Советская энциклопеди, 1987. 720 с.
4. *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство и современность (Социологические и исторические очерки) / А.И. Клибанов. — М.: Наука, 1969. 272 с.
5. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) РГБ. – Фонд 435. Карт. 62. Ед. хр. 1. Л. 110.

6. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) РГБ. – Фонд 435. Карт.18. Ед. хр.19. Л. 34—35.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 17. Оп. 65. Д. 123. Л. 3.
8. *Стволыгин К.В.* Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи / К.В. Стволыгин. – Мн.: РИВШ, 2010. 248 с.
9. *Стволыгин К.В.* Политика освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям в Советском государстве (1918–1939 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03./ К.В. Стволыгин. – Минск, 1997. – 120 л.
10. *Стволыгин К.В.* Теоретические подходы к проблеме психологической экспертизы пацифистских убеждений призывников / К.В. Стволыгин. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 11.11.2012).

The practice of expertise of pacifist beliefs by the joint council of religious communities and groups in the soviet state

Stvolygin K.V., PhD in history, associate professor, Minsk branch of the Russian State Social University (konstvol@mail.ru)

The purpose of this article is to present the Russian practice of expertise of pacifist beliefs in recruits by a public organization – the Joint Council of the religious communities and groups in the Soviet state in 1918-1920 years. We analyze the expertise procedure, the methods and criteria used, their priority, and the circumstances that adversely affect the Joint Council expertise objectivity. Among these circumstances, we highlighted the unsolved problem of the criteria to judge the validity of the pacifist religious beliefs, the limited methods used in examinations (survey, interview, document analysis). The consequence of this unresolved problem is possible bias of experts – members of the Joint Council, as well as conflict with the People's Commissariat of Justice, which led to the termination of the Joint Expert Council of religious communities and groups.

Keywords: Joint Council of religious communities and groups, examination of pacifist religious beliefs, methods, criteria, objectivity, alternative service.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – Fond A353. Op. 2. D. 696. L. 202.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – Fond. A353. Op. 3. D.761. L. 229—231.
3. Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v SSSR: Jenciklopedija. — M.: Sovetskaja jenciklopedi, 1987. 720 s.
4. *Klibanov A.I.* Religioznoe sektantstvo i sovremennost' (Sociologicheskie i istoricheskie očerki) / A.I. Klibanov. — M.: Nauka, 1969. 272 s.
5. Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej (NIOR) RGB. – Fond 435. Kart. 62. Ed. hr. 1. L. 110.
6. Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej (NIOR) RGB. – Fond 435. Kart.18. Ed. hr.19. L. 34—35.

7. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). Fond 17. Op. 65. D. 123. L. 3.
8. *Stvolygin K.V.* Otkazy ot voennoj sluzhby vsledstvie ubezhdenij v Rossijskoj imperii / K.V. Stvolygin. – Mn.: RIVSh, 2010. 248 s.
9. *Stvolygin K.V.* Politika osvobozhdenija grazhdan ot voinskoj povinnosti po religioznym ubezhdenijam v Sovetskom gosudarstve (1918–1939 gg.): Diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.03./ K.V. Stvolygin. – Minsk, 1997. – 120 l.
10. *Stvolygin K.V.* Teoreticheskie podhody k probleme psihologicheskoj jekspertizy pacifistskih ubezhdenij prizyvnikov / K.V. Stvolygin. [Jelektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2012. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (data obrashhenija: 11.11.2012).